

Левитанъ и Чеховъ.

I.

Представьте себѣ, что появился чародѣй, который смогъ-бы устроить такъ, чтобы зрительный нервъ взялъ на себя функцію слухового — и обратно.

Иначе говоря, чтобы оказалось возможнымъ слышать краски и видѣть слова.

Тогда пейзажъ Левитана превратился-бы для насъ въ новеллу Чехова...

Вы услышали-бы „Вечеръ“ Исаака Ильича, и вамъ показалось-бы, что это — „Вѣрочка“ Антона Павловича...

Такъ родственны между собой натуры этихъ одухотворенныхъ творцовъ.

Такъ близки они другъ къ другу своими душами.

Такъ общъ у нихъ ихъ художественный языкъ, лейтмотивъ котораго — обвѣянное нѣжной грустью постиженіе мировой красоты и сладостно щемлящее чувство одиночества человека.

Чеховъ былъ Левитаномъ пера.

Левитанъ — Чеховымъ кисти.

Многіе ощущаютъ безпредѣльную красоту окружающаго.

Улавливаютъ сокровенную тайну.

И видятъ Бога во всемъ.

Но безсилны претворить это огромное ощущеніе въ такой слѣпокъ, ка-

ждый изгибъ котораго исчерпывающе возвышалъ-бы объ этомъ жизночувствіи.

На это сѣтовали и Чеховъ съ Левитаномъ, вѣчная неудовлетворенность которыхъ — одна изъ жемчужинъ въ коронѣ всякаго подлиннаго таланта.

Но самъ себѣ никто не судья.

Судьи Левитана и Чехова, это — не они сами, даже не присяжные критики, эти холодные анатомы и, стало-быть, разрушители художественнаго творчества, а тѣ безвѣстные, кто любовно созерцаетъ и слушаетъ наслѣдіе дорогихъ покойниковъ, въ которомъ, какъ въ идеальномъ зеркалѣ, обаятельными красками и красочными словами отражается ихъ собственное жизнечувствіе.

Оттого мы, живые, такъ славимъ ихъ, мертвыхъ...

II.

Исаакъ Ильичъ познакомился съ Антономъ Павловичемъ въ бытность свою ученикомъ Школы живописи, ваянія и водчества, гдѣ въ то время учился и братъ писателя, тогда еще студента, Николай.

Вскорѣ это знакомство перешло въ тѣсную дружбу, которая изрѣдка затуманивалась, но въ общемъ осталась самой теплой до конца ихъ чуткихъ дней.

Левитанъ часто приходилъ къ Че-

хову на Драчевку и принималъ участіе въ устраивавшихся у него вечеринкахъ разнообразнаго характера. Было шумно. Было весело. Было молодозелено.

Была не пошлость, а богема...

Ея беззаботно-ликующей колоритъ сохранялъ у нихъ всю свою свѣжесть и въ дальнѣйшемъ, когда Чеховъ сталъ врачомъ, а Левитанъ — художникомъ.

Въ 1886 году Антонъ Павловичъ просилъ одного изъ своихъ пріятелей поскорѣ пріѣхать на лѣто въ Бабкино:

„Вы намъ ужасно нужны. Дѣло въ томъ, что мы... собираемся судить по всемъ правиламъ юриспруденціи, съ прокурорами и защитниками, купца Левитана, обвиняемаго: а) въ уклоненіи отъ воинской повинности, б) въ тайномъ винокурении (Николай пьетъ, очевидно, у него, ибо больше пить негдѣ), в) въ содержаніи тайной кассы съсудъ, д) въ безнравственности... Приготовьте рѣчь въ качествѣ гражданского истца“.

Засѣданіе „суда“, всѣ участники котораго соперничали другъ съ другомъ въ неистощимости юмора, сопровождалось гомерическимъ хохотомъ, а къ концу превращалось въ заправскій сумасшедшій домъ...

А то вдругъ Исаакъ Ильичъ наряджался въ простыню и, изображая бедуина, выѣзжалъ съ заходомъ солнца на осликѣ за рѣку творить вечернюю мусульманскую молитву. Чеховъ изъ-за кузовъ палилъ по немъ холоднымъ зарядомъ. Левитанъ падалъ, и

ему устраивались комическія похороны, пока „убитый“ не выскакивалъ изъ носилокъ и не пускался на утекъ въ свою курную избушку, которая замѣняла ему ателье...

Но это было лишь прослойками, которыя съ каждымъ днемъ становились все незамѣтнѣе и, наконецъ, совсемъ растаяли. Преобладающимъ настроеніемъ Левитана, какъ впоследствии и у Антона Павловича, была тоска.

III.

Письма Исаака Ильича къ Чехову — да и не только къ нему — сплошной вопль. Ничто не смогло его разсѣять:

— Ждалъ я Волги, какъ источника сильныхъ художественныхъ впечатлѣній, а взамѣнъ этого она показала мнѣ настолько тоскливой и мертвой, что у меня заняло сердце...

— Шляюсь по этой Чухляндіи, мѣняя мѣста въ поискахъ за сильными мотивами, и въ результатѣ — ничего, кромѣ тоски...

— Вновь я захандрилъ и захандрилъ безъ мѣры и границы, захандрилъ до одури и ужаса. Если-бы ты зналъ, какъ скверно теперь на душѣ! Тоска и уныніе пронизали меня...

Укажите мнѣ „сильный мотивъ“ у Антона Павловича... „Новѣста“ съ ея бодримъ: „главное, это перевернуть жизнь, а все остальное неважно“?... Пожалуй... Чеховъ также однажды сказалъ Левитану о написанныхъ имъ на Плесѣ полотнахъ:

— Знаешь, на твоихъ картинахъ даже появилась улыбка!

Но больше онъ этого не говорилъ.

Улыбка промелькнула и улетѣла. Наплывала элегія. Даже солнечный Крымъ, — и тотъ преломился въ творчествѣ Исаака Ильича, какъ въ слезинкѣ: хмурое небо, одинокая деревушка, кладбище.

Въ принадлежъ меланхоліи Левитанъ, не разстававшійся съ ружьемъ — онъ былъ страстнымъ охотникомъ — даже покушался на самоубійство.

Чѣмъ было обусловлено такое самочувствіе Исаака Ильича? Неудовлетворенностью? Отчасти: ему все казалось, что, какъ художникъ, — онъ слабъ. Личной жизнью? Отчасти: въ ней было не мало горькаго. Антонъ Павловичъ видѣлъ въ тоскѣ Левитана результатъ его болѣзни... Можетъ быть... Художникъ перенесъ тифъ, который тронулъ его сердце, и въ 1897 году Чеховъ извѣстилъ своего знакомаго:

— Я выслушивалъ Левитана: дѣло плохо. Сердце у него не стучитъ, а дуетъ; вмѣсто звука „тукъ-тукъ“, слышится „пф-тукъ“.

Прошли три года, перестало слышаться и „пф-тукъ“.

Почему? Отчего? Какъ? Зачѣмъ намъ это? Вѣдь, мы — не анатомы, прощупывающие въ пейзажѣ Исаака Ильича Nervus cordialis его творца. Мы — тѣ безвѣстные, о которыхъ я уже говорилъ и которые по веснѣ вспоминаютъ слово Антона Павловича:

— Въ природѣ столько воздуха и экспрессіи, что нѣтъ силъ описать. Каждый суточъ кричитъ и просится, чтобы его написалъ Левитанъ...

MUSCA.